

*В. Велинова, А. И. Груша, Б. Ломаджистро,
Е. А. Ляховицкий, Л. В. Мошкова, Д. Уо*

СПОР О ДРЕВНЕРУССКОМ ПИСЬМЕ (ФОРУМ)

1. Что следует вкладывать в понятие «тип письма», на Ваш взгляд?

Ломаджистро Б. Я абсолютно согласна с Е. А. Ляховицким о нецелесообразности применения трехчастной схемы: «устав – полуустав – скоропись». Мне самой неоднократно приходилось указывать на ее неадекватность, которая, по моему мнению, происходит от трехчастной схемы, употребленной Бернардом де Монтфоконом при описании развития греческого письма. В недавно опубликованной статье¹ я предложила совсем другую модель. Позволю себе коротко изложить основные выводы.

Исходным пунктом моей теории служит положение, что развитие письма обусловлено общественно-экономическими факторами, определяющими, в свою очередь, функцию письма в самом обществе. Кроме этого, следует анализировать и классифицировать письмо на основе чисто графических характеристик (признаков), учитывая, что главным свойством графического процесса является непрерывное изменение. Следовательно, палеографическое исследование призвано сосредоточиваться не на описании отдельно взятых форм букв, а на описании внутреннего механизма развития письма.

Опираясь на очевидные функции письма, представляется целесообразным ввести теоретические понятия: «нормативное письмо» и «обычное письмо». Они противостоят друг другу. Более того, их противостояние является исключительным пунктом в тенденциях развития письма во всем его многообразии. Понятие «нормативное письмо» мыслится как совокупность идеальных графических моделей, применяемых в определенную эпоху и в определенной среде. Оно обозначает абстрактную, идеальную модель письма, существующую в азбуковниках, прописях и подобных средствах обучения письму как стандартизированная модель форм и начертаний букв.

¹ *Lomagistro B.* Approccio scientifico e questioni di metodo nello studio delle scritture cirilliche // Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti (Belgrado, 20–27 agosto 2018) / A cura di L. Salmon, M. C. Ferro, G. Ziffer. Firenze, 2018. P. 225–248.

Совсем иной природы понятие «обычное письмо», которое обозначает все реальное богатство индивидуальных проявлений нормы. Именно эта противоположность абстрактному нормативному письму порождает процесс развития письма. Механизм развития базируется на непрекращающемся взаимодействии между нормативным и обычным письмом. При использовании нормативной модели в письме появляются написания, отличающиеся по четко определяемым признакам, они начинают функционировать как нормативное письмо внутри определенного сообщества. Я бы предложила называть это письмо «начерк», или «нормативный вид», или «типизация». В определенных обстоятельствах может употребляться в одном и том же времени и пространстве больше, чем один начерк. Речь идет о подобных начерках, но не тождественных. Здесь мы можем говорить об изводе, или о группе начерков. Эта теоретическая категория помогает выявить тонкие различия, существующие в графических тенденциях и явлениях в тех случаях, когда кажется, что использован только один вид письма.

Извод охватывает явления, объединенные некоторыми графическими признаками (например, схожими формами некоторых букв или похожими начертаниями) или внешним обликом, хотя в них наблюдаются своеобразные, отличающиеся графические элементы. Категория извода может быть очень полезна для понимания графической динамики в среде, в которой разные причины (экономические, общественные, технические, культурные в широком смысле или эстетические) направляют выбор пишущих и определяют отличия в графических стилях.

Для более детального описания этой динамики я бы предложила употреблять термин «тип» по отношению к следующим категориям:

- 1) письму определенного целевого назначения (например, к книжным типам письма, курсивным типам и т.д.);
- 2) некоторым особым вариантам извода книжного письма, имеющим «индивидуальные» признаки – существование «типа» ограничено во времени и в пространстве; тип не достигает статуса нормативного вида; он может быть назван по конкретным памятникам, в которых употребляет, например: «тип Мирославова евангелия»;
- 3) промежуточным формам документального происхождения, каллиграфически приспособленным к книжному употреблению.

Всякого рода начерк, или тип, следует определить на основе его морфологических элементов. Прежде всего, по своей структуре письмо классифицируется как маюскул, если все буквы пишутся между двумя мысленно проводимыми линейками, или же минускул, если часть букв пишется между четырьмя линейками, причем петли и линии, отходящие от строчных букв вверх и вниз, не являются простым продолжением какой-либо линии буквы, но составляют неотделимые элементы самой буквы.

Наиболее древней формой письма является маюскул. В самом начале он был единственным. По мере развития письменности и появления потребности в более быстром письме и чтении из маюскула начал вырабатываться минускул. Буквы его легко соединились, связываясь друг с другом, что привело к связному начертанию букв и даже коротких слов. Связное (курсивное) письмо может развиваться лишь в минускуле.

Письмо характеризуется и по скорости его начертания (дукт). В виду того, что для написания единообразных и регулярных букв, как правило, требуется больше времени и тщательности, такой дукт может называться медленным. И наоборот, процесс ускорения письма приводит к выработке беглого, т. е. курсивного типа. Надо обратить внимание

на то, что маюскульное по структуре письмо может быть медленным или курсивным. С другой стороны, и минускульное по структуре письмо может быть медленным или курсивным. При том бывает, что курсивный маюскул склонен разрушить двухлинейную структуру письма, и характеризующие штрихи букв пишутся вверх и вниз. Таким образом получается уже не двух-, но четырехлинейная структура, порождающая минускульный тип письма.

Еще одним фундаментальным элементом письменного процесса является начертание. Под этим термином я подразумеваю три реалии: первая – количество составных штрихов букв, вторая – последовательность, и третья – направление их исполнения. Это значит, что одинаковая – но лишь на первый взгляд – форма буквы может быть результатом разных начертаний.

Как известно, кириллическое письмо было создано в Болгарии в царствование Симеона для административных и культурно-литургических потребностей. От него требовалось адекватно выразить престиж нового государства и его церкви. Поэтому с самого начала оно было создано как нормативное письмо. Нельзя пренебрегать тем обстоятельством, что на данной территории греческий маюскул пользовался высоким престижем, а это влияло на условия создания первоначального кириллического письма. По древнейшим из дошедших до нас рукописям можно заключить, что уже на первом этапе существования он был изводом трех маюскульных начерков, в частности: 1) древний вертикальный маюскул, основными характеристиками которого были вертикальность букв и общие с греческим вертикальным маюскулом некоторые буквы; 2) древний наклонный маюскул, отличающийся от первого наклонностью букв и некоторыми буквами, схожими с греческой наклонной моделью; 3) смешанный маюскул, т. е. третий гибридный кириллический маюскульный начерк, в котором буквы стоят вертикально, но их начертания взяты от древнего наклонного маюскула. Судя по структурно-морфологическим характеристикам, я полагаю, что речь идет о трех разных начерках кириллического письма. Тем не менее, в научной литературе до сих пор все они обозначаются одним лишь термином – *устава*. Налицо несколько вариантов устава, но они не отражены в терминологии.

Распространение кириллического письма во многих славянских странах и его применение в разных сферах общественной жизни стали причиной зарождения различных типов в соответствии с целевым назначением (т. е. книжным, документальным или обиходным). При этом происходила курсивизация (скорописание) этого письма, особенно наклонного начерка. Свидетельство этого процесса – употребление курсивизированного (скорописного) древнего наклонного маюскула в качестве делового письма (например, в берестяных грамотах) или дипломатического письма в канцеляриях сербских князей. Курсивизация наклонного начерка постепенно разрушает двухлинейную структуру и создает условия для выработки раннего минускула. Последовательное и систематичное развитие такого минускула приводит к формированию с середины XII до XIV в. дипломатического и канцелярского минускулов.

Графические новшества происходят в этот же период в обычном письме. Древние маюскульные начерки устаревают, и в начертаниях определенных букв наблюдаются характеристики минускульного письма. В активно развивающейся книжной сфере, начиная с XIV в., формируется новый начерк маюскула, в котором: 1) все буквы строго совмещены между двумя линейками; 2) все буквы вертикальны; 3) некоторые из них,

пусть занимая все пространство между двумя линейками, сохраняют специфичные минускульные начертания. Я называю такой начерк младшим маюскулом. Иначе говоря, в процессе графического развития «обычного» письма, когда писцы стремились выработать начерк, которым можно быстро писать и который одновременно можно разборчиво прочитать, был создан извод разных начерков, являющихся результатом взаимодействия между разными нормативными видами и обычным письмом. В научной литературе этот извод начерков обозначается термином «полуустав», который, по моему мнению, неадекватно выражает всю сложность описанной мной ситуации. Начерков и местных типов младшего маюскула больше, чем разновидностей древнего маюскула. Поэтому требуется подробная классификация, основанная на начертании несколько характерных букв (например, в, д, е, з, ж, т, у, ч, ь, ъ, «ятъ», «юс малый» и «юс большой»). В этом направлении еще предстоит продолжить исследования.

Младший маюскул все больше употреблялся как книжное письмо в обществе, где росло количество грамотных людей. Естественно, он не полностью сумел вытеснить из употребления древний маюскул, но выступал в качестве вымирающей имитации старой модели. Для изготовления парадных рукописных книг литургического назначения был создан особый, более торжественный начерк маюскула, который походил на греческий литургический маюскул (см., например, письмо Киевской псалтыри). Мне кажется целесообразным назвать его кириллическим литургическим маюскулом.

В течение длительного времени использования младшего маюскула, минускул продолжал развиваться не только как документальное, но и как обиходное письмо. Приблизительно до XVI века он существовал именно в курсивном виде, а позже появились его каллиграфические типы, использовавшиеся как книжное письмо. Этот минускул в научной литературе обозначается термином «скоропись», но термин нечетко определяет, какой именно тип письма может им называться и каковы его свойства. Термин «скоропись» выражает лишь беглый характер письма, но упускает из вида самую структуру начертания букв.

Груша А. И. Тип – классификационная категория. Классификаций может быть множество. Но ни одна из них не будет исчерпывающей. Каждая из них зависит от избранного подхода, ожидаемых результатов и поставленных задач. Под типом я понимаю такую категорию классификации, которая объединяет предметы по наиболее существенным признакам. Я исхожу из того, что выбор и использование той или иной графики письма является результатом сознательного к ней отношения. Эта графика диалогична, социальна, она продукт культуры. Классифицируя графику письма, мы должны воспользоваться подсказкой из прошлого и сохранить определенный континуитет в учете свойств письма, определяющих его тип. «Устав», судя по этимологии слова, это «правильное» письмо², ориентирующееся на определенный стандарт.

В связи со сказанным обращают на себя внимание некоторые закономерности.

1. Устав был представлен на огромном пространстве *Slavia Orthodoxa*, при этом он не знал серьезных вариаций в зависимости от политических и этнических границ.
2. Даже если мы примем точку зрения, что устав просуществовал на территории Руси (разделенной между тремя государствами) всего лишь до XIV–XV вв., то мы должны

² *Mošin V. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici // Slovo: Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 1965. № 15–16. S. 155.*

признать, что за время его существования он не претерпел существенных изменений. В то же время скорописи хватило трех столетий – с конца XIV в. по конец XVII в., чтобы полностью расстаться с уставом как своим прототипом, и измениться сравнительно с ним до полной неузнаваемости (об этом я могу уверенно судить, в частности, по кириллической скорописи Великого Княжества Литовского и Короны Польской³). 3. Когда возникла и в XV–XVII вв. получила широкое распространение скоропись, при всех ее рациональных преимуществах, а именно: экономия сил, времени, материала для письма, лучшего восприятия ее с точки зрения физиологии чтения – отдельные виды церковной письменности принимали преимущественно устав и близкие к уставу варианты «полуустава».

В свете указанных закономерностей устав и скоропись было бы продуктивно рассмотреть в понятиях *норма* и *система*, использованных Б. А. Успенским при изучении литературного языка. Норма статична и стабильна, не связана непосредственно с задачами коммуникации. Она призвана вписать деятельность в общий план культурного, то есть *социально-ценностного поведения*. Норма осознается как *явление правильности*. Она противопоставлена системе, которая динамична, изменчива и стремится к *оптимизации коммуникативных процессов*⁴. По аналогии с языком мы можем говорить о письменно-графическом сознании общества, письменно-графических норме и системе⁵. Кстати, Б. А. Успенский затронул вопрос и о происхождении скорописи. Он пишет о ней как о типе письма, который *системно* противопоставляется книжному письму, при этом противопоставление строится не только на начертании букв, скоропись обладает своим инвентарем букв, своей орфографией⁶.

Как показывают результаты предварительного исследования, выбор той или иной графики письма был связан с языком письменного текста (церковнославянский, канцелярский/деловой, народный/живой), а язык и письмо вместе взятые (даже в позднем Средневековье могли пониматься в некотором единстве) – не с жанровой принадлежностью текста (юридический текст, конфессионально-литургическая литература, панегирическая литература и т. д.), не с формой хранения письменных текстов (книга, документ), а с происхождением, адресантом и адресатом текста⁷.

В моем понимании тип письма определяется отношением к норме или системе. Норма – это в том числе, а для Средневековья в первую очередь, выражение религиозного сознания, ценностей и правил. Если применить это в отношении письма, то можно высказать следующие суждения. Нормативное письмо подлежало строгой регламентации и контролю. В этой строгости проявлялась сила традиции, отсылающая к образцам священного прошлого. Выполнение устава представляло собой одну из форм символического

³ Груша А. І. Беларуская кірылічная палеаграфія: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта. Мінск, 2006. С. 90–106, 119–129.

⁴ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 8–19.

⁵ Груша А. Рэлігія–мова–пісьмо: пра сутнасць устава і паўустава XI – першай паловы XVI ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 9.

⁶ Успенский Б. А. История русского литературного языка... С. 295.

⁷ См., например, работу С. Ю. Темчина о связи языка с происхождением, адресатом и адресантом текста (Темчин С. Ю. Функционирование русской мовы и иерархия церковных текстов // Studia Russica. Budapest. 2009. Vol. 23. P. 227).

поведения. В этом плане оно было ритуализировано. Феномен устойчивости письма был интегрирован в одно целое с иными культурными феноменами, в которых реализовывался базовый для Средневековья принцип старины⁸. Все это позволяет утверждать, что графический тип письма задается мировоззренческими, социальными и культурными установками, ценностными ориентирами, которые находят физическое воплощение в письме. Это то, что я вкладываю в содержание понятия «социокультурный подход» при определении типа письма.

Итак, мы можем говорить о *нормативном*, регламентированном, письме и *системном* письме, лишенном регламентации и всяких сдержек с точки зрения поиска оптимальных форм для быстрого исполнения и чтения. Это я и называю типом кириллического письма.

Велинова В. Понятие «тип письма» часто употребляется в палеографии и, к сожалению, не всегда однозначно. Как подчеркивает в своих «Лекциях по греческой палеографии» Поль Канар⁹, один из самых авторитетных исследователей греческой рукописной традиции, такие термины, как: «стиль», «тип», «канон» используются регулярно современными палеографами, но они не всегда являются точно и ясно сформулированными. В его лекциях термины «стиль» или «тип» употребляются в традиционном смысле: «Noi useremo i termini stile o tipo in senso generale, segnalando, quando occorre, le scritture che il Cavallo giudica canonizzate». Иными словами, термин «тип» он понимает как совокупность характеристик письма, которые иногда нуждаются в конкретизации.

Надо подчеркнуть, что не существует универсальных палеографических дефиниций, поскольку у каждой письменной системы свои особенности. Общее проявляется через зависимость выбора вида/типа письма в соответствии с его функциями; совместном употреблении разных письменных систем; характеристиках самого процесса писания (например, манера писца, модуль букв и т.д.).

Поэтому я считаю методологически обоснованным для настоящей дискуссии определить понятие «тип письма» только в исследовательском поле славянской кириллической палеографии, поскольку у славянских глаголических рукописей свои особенности. Разница наблюдается также между письменными традициями болгар, русских и сербов в некоторых деталях и модификациях письма (прежде всего в так называемых курсивных или скорописных почерках). В статье Е. А. Ляховицкого понятие «тип письма» является классификационным термином, так как автор (вполне обоснованно) разграничивает типы и подтипы.

Чтобы определить содержание понятия «тип письма», вернемся к его этимологии. Греческое слово τυπος (typos) многозначное, могло обозначать: удар, оттиск, вырезанную фигуру, печать, образ, модель и даже стиль. Вот почему я считаю, что понятие «тип письма» – *это совокупность всех особенностей такого вида письма, который мы воспринимаем как модель, эталон для подражания на основе его стилизации, функции и начертания со стороны писца* (курсив мой. – В. В.). Иными словами, под «типом письма» можно подразумевать кириллический устав. Он возник на основе стилизации греческого маюскула в Первом Болгарском царстве. В начальный период функционально устав был связан с литургическими рукописями, и это его важная особенность. Надо

⁸ О старине см.: Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск, 2015. С. 46–72.

⁹ Canari P. Paleografia e codicologia greca: una rassegna bibliografica. Vatican, 1991.

уточнить, что кириллический алфавит связан генетически с одной из разновидностей греческого унциала – той, которая вписывается в модуль прямоугольника. Дискуссионным, как видно и в статье Е. А. Ляховицкого, остается вопрос о природе так называемого полуустава – является ли он типом, то есть самостоятельной классификационной группой, или подтипом, то есть вариантом уставного письма.

Что касается третьего традиционно выделяемого типа письма – скорописи, его присутствие в типологии обусловлено факторами, внешними для традиции. Например, таким фактором может быть степень развития деловой сферы общественной группы, которая пользуется азбукой. Все определения *скорости* или *беглости* письма являются не выбором книжника, а результатом функции книжного памятника.

Мошкова Л. В. К работам теоретического или методологического плана (а именно к ним и может быть отнесена статья Е. А. Ляховицкого) у меня двойственное отношение. С одной стороны, можно только приветствовать желание автора разобраться в том, как и почему в исторической науке (и, конкретнее, в палеографии) сложились и функционируют термины, которыми все привычно пользуются. С другой, желание «теоретизировать» может свидетельствовать о стремлении автора выйти в своем исследовании на новый, более статусный уровень, так как еще с советских времен, теоретические работы считаются (зачастую неоправданно) более престижными, свидетельствующими о высокой квалификации автора и тем самым добавляющими ему научной значимости и важности.

Далее постараюсь изложить некоторые соображения, ориентируясь на предложенные вопросы и, естественно, по мере необходимости уходя в сторону.

1. «Тип письма» – это наиболее общая характеристика, подразумевающая ориентацию на некие базовые признаки, и меня вполне устраивает сложившаяся в палеографии триада *устав – полуустав – скоропись*. Именно ими я и оперирую (можно считать это ответом на вопрос 2). При этом стараюсь не забывать, что любой термин в той или иной мере условен, и не все конкретные примеры укладываются в принятое разделение. Но весь вопрос в том, что такое упомянутые выше «базовые» признаки.

Если обратиться к статье уважаемого автора, то мы увидим, что приведенные им характеристики устава как типа письма по сути или оценочные суждения, или характеризуют что угодно, но не графику как таковую, а именно: медленное, торжественное письмо, характеризующееся правильностью начертаний, тщательное письмо. Итак, медленное – это скорость письма, торжественность и тщательность – оценка, а правильность начертаний, честно сказать, вообще непонятна: может создаться впечатление, что в полууставе и скорописи начертания букв неправильные (искаженные?). Полагаю, что графику надо описывать в иных терминах (например, вертикальный, квадратный и т.п.). При этом не следует забывать, что любой графический объект плохо поддается словесному описанию.

Упреки в адрес некоторых авторов, которые по-разному определяют один и тот же почерк, справедливы только отчасти. Здесь всегда следует учитывать как разные входящие моменты (например, упомянутая рукопись Мемнона считалась болгарской, следовательно, почерк определялся как устав), так и то, что понятие «устав» в голове одного исследователя может не совпадать со сложившимися представлениями другого ученого. Но это объективная реальность, с которой просто надо считаться. Все палеографы разные, со своей выучкой, со своими представлениями, пристрастиями и предпо-

чтениями. Очень люблю и часто повторяю мнение А. А. Турилова: «Палеография – это не наука, это знаточество». И действительно, каждый исследователь опирается не столько на классические работы по палеографии, сколько на собственный опыт, который и диктует ему применение того или иного термина.

Попыткой не столько отойти от указанной выше триады, сколько показать сложность ситуации, было предположение о существовании трех графических систем, которые сложились и развивались в разных сферах деятельности, а именно: бытовое, канцелярское и книжное письмо¹⁰. Однако часто исследователю приходится работать «внутри» одного типа почерка. Поэтому могут появиться виды и разновидности (предпочитаю термин «разновидность» как менее обязывающий). Для грамот XV – первой трети XVI в. применялось минимум *девять* определений полуустава¹¹. Попытка описать каждую разновидность была сделана с одной целью – дать читателю представление о содержании применяемых автором терминов, но не претендовало на истину в последней инстанции (это разделение можно и оспорить).

Во Д. Слова Е. А. Ляховицкого относительно недостатков взглядов А. Шлецера на типологию древнерусского письма можно отнести и к моим наблюдениям по поводу тезисов данной статьи. То есть, мои взгляды также ограничены недостаточным знакомством с древнерусской грамматической традицией. Попросту говоря, я не эксперт в области древнерусской палеографии, особенно в материалах ранних ее веков. Мои знания и опыт относятся преимущественно к изучению памятников позднего Московского периода (особенно XVII – начала XVIII в.). Вполне возможно, что Е. А. Ляховицкий прав, но я не могу авторитетно поддерживать или отрицать его аргументы.

Любое рассуждение о «типе письма» не может быть удовлетворительным без сопровождающих фотографий листов самой рукописи. Различать устав от полуустава и от скорописи имеет смысл, только если существуют объективные критерии такого разделения. А, как представляется, по крайней мере при определении различий между уставом и полууставом нет таких общепринятых критериев. Вполне возможно, что те ученые, которые определяют только два типа письма (устав/книжное письмо, и скоропись) более точно описывают действительность, но, конечно, можно сомневаться в полезности такого упрощения схемы. Скорее всего, то, что Ляховицкий пишет об уставе и полууставе, можно сказать и о переходе от полуустава к скорописи (например, существует термин «полуустав, переходящий в скоропись»). Когда я читаю описания древнерусских рукописей, словесное определение типа письма в них намного менее полезно, чем другие данные. Вполне ясно, что опытный писец может писать в разных стилях, в зависимости от цели. Иногда в поздних московских рукописях можно видеть значительное расхождение почерка от одного листа к другому, хотя нет никакой причины полагать, что он принадлежит разным писцам.

Вполне возможно, что гипотеза Ляховицкого права: объяснение формирования «стандартных» взглядов на переход от одного типа письма к другому лежит в каких-то

¹⁰ *Мошкова Л. В.* «Белые пятна» русской палеографии // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы международной научной конференции. М., 2013. С. 236–237.

¹¹ *Мошкова Л. В.* Грамоты XV – первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) // Вестник Альянс – Архео. 2016. Вып. 17. С. 42

туманных представлениях о прогрессе (или регрессе) на пути из Золотого Века к современности. Однако мне кажется, что данный феномен отражает не рефлексию определенных стадий развития древнерусской культуры, а более общее представление о прогрессе в современном мире. Я не могу быть уверенным в определении масштабов возможного влияния южнославянской рукописной традиции на Русь, но если искать подобные примеры перехода от одного типа письма к другому (особенно от «прямого» к «беглому»/«скорописному»), то их можно обнаружить и в греческой, и в арабской традиции. Считается, что данный факт свидетельствует о том, что книги стали дешевле и поэтому более доступными. То есть он воспринимается как знак прогресса.

Вместо того, чтобы тратить энергию в обсуждении проблемы, как лучше описывать типы письма, не лучше ли сосредоточиться на более полезных направлениях – разработке приемов и данных, которые позволят более точно датировать рукописные памятники, определять почерков писцов, устанавливать скриптории, в которых создавались рукописи и т.д.? Здесь может оказаться полезным применение компьютерных технологий¹². Для рукописей, написанных на бумаге, это включает обстоятельный анализ, описание и воспроизведение филигранных. И я мечтаю о днях, когда компьютерный анализ почерков может заменять неточные словесные описания их и делать возможным сравнения, не ограниченные «лапидарностью знакомства с другими рукописными памятниками». Это дело будущего и не в моей жизни.

2. Насколько схема устав – полуустав – скоропись адекватно отражает эволюцию древнерусского письма?

Ломаджистро Б. Вышеуказанная трехчастная схема мне кажется неспособной описать развитие кириллического письма, поскольку она является негибкой, одеревенелой. Вся историю кириллического письма она представляет как переход от одного типа к другому, трактуемый в категориях генеалогического порядка. Трехчастная модель не позволяет осмыслить изменяемость и существенное, постоянное развитие письма, результат взаимодействия разных факторов. Кроме этого, она не основана на строго структурном описании письма, а отсутствие чисто графических критериев обуславливает применение лингвистических и орфографических критериев классификации, что мне кажется неприемлемым.

Груша А. И. Эта схема была бы верной, если бы она не подразумевала замену предыдущего типа письма последующим. В кириллической письменности такой замены не происходило. Когда возникла скоропись, устав не исчез. Длительное время указанные графические типы письма сосуществовали, будучи распределенными по тем или иным текстам, в зависимости от их предназначения и используемого языка.

¹² *От редакции:* ср.: Klekovska M.; Martinovska C.; Nedelkovski I.; Kaevski, D. Comparison of models for recognition of old slavic letters // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2013. Vol. 207. P. 129–139; Bande C.; Klekovska M.; Nedelkovski I.; Kaevski D. Feature selection for classification of old slavic letters // *Control Engineering and Applied Informatics*. 2014. Vol. 16. Issue 4. P. 81–90; Panov S., Koceski S. Metaheuristic approach to optical character recognition of old slavic letters // *Proceedings – 2014 3rd Mediterranean Conference on Embedded Computing*. Budva; Montenegro, 2014. P. 268–271.

3. Правомочно ли противопоставление «устава» и «полуустава» как раннего (XI–XIV) и более позднего (XV–XVII) книжного письма?

Ломаджистро Б. В свете моего ответа на первый вопрос, отношение между уставом и полууставом не следует рассматривать как простое противопоставление. В моей теоретической модели понятию типа устава славянской палеографической традиции соответствует понятие извода, в частности, извод старшего маюскула. Он охватывает разные начерки или нормативные виды, имеющие одинаковую маюкульную структуру букв, как с медленным, так и беглыми дуктами. Эти начерки различаются по наклонности букв. Согласно той же самой модели, каждый начерк старшего маюскула определяется по чисто морфологическим характеристикам.

В процессе конкретного применения начерков развитие наклонного маюкульного начерка приводит к формированию минускула. Он не сразу же становится книжным письмом. Однако, потребность в незатруднительном начерке, разборчивом, но менее торжественном по сравнению со старшим маюскулом, приводит к внедрению в маюкульное письмо беглых начертаний некоторых минускульных букв, ставших таким образом маюскулами. В результате получается новый, т. е. младший маюскул. Начерк, полученный вследствие столь сложного графического процесса, называется славянской палеографией полууставом, термином неопределенным, который ничего конкретного не содержит. Из-за раздробленности графических традиций, младший маюскул с самого начала представляет собой извод, охватывающий разные начерки, отличающиеся друг от друга по разновидностям некоторых начертаний букв.

Младший маюскул имеет общие со старшим двухлинейную структуру и начертания некоторых букв, но в целом отличается от него, поскольку в младшем уже появились графические изменения, существующие в обиходе пишущих, но еще не в книжном письме. Мне кажется неотчетливым современное различие между старшим и младшим полууставом, поскольку оно основано преимущественно на орфографических и неграфических элементах.

Груша А. И. Понимая, что суть вопроса главным образом сводится к тому, в равной ли степени на протяжении XI–XVII вв. в книгах использовались медленное и беглое, торжественное и упрощенное, тщательное и небрежное письмо, имели ли буквы этих книг одинаковую форму, я бы все же сместил акцент на терминологический аспект этого вопроса. В современной классификации и в современных наименованиях кириллического письма смущает следующее. Кириллическая палеография не приемлет формализованных понятий, принятых в греческой и латинской палеографии: маюскул, унциал, полуунциал, минускул, минускулизация, курсив, полукурсив и т. д., вполне пригодных для характеристики кириллического письма. Зато она очень привержена собственным наименованиям, которые стали традиционными: «устав», «полуустав» и «скоропись».

Однако все данные наименования – *исторические*. Они не содержат точной характеристики графики письма. В силу этого каждая научная традиция и каждое научное мнение может вложить в понятия «устав», «полуустав» и «скоропись» фактически любые показатели. Например, В. А. Мошин считал, что название «устав», т. е. «правильное» письмо, первоначально отражало его ориентацию на стандарты греческого *каллиграфического* письма. Письмо, допускавшее отступление от этого стандарта, было

полууставом – «полуправильным», не каллиграфическим письмом¹³. Парадоксальность ситуации заключается в том, что современная палеография, вооружившись этими понятиями, заведомо вносит в них содержание, отличное от того, которое вкладывалось в данные понятия *их пользователями*. Из витебского источника за 1540 г. следует, что священник церкви Св. Духа, выражая представления о письме, разделяемое обществом, назвал уставом то, что, по мнению большинства современных исследователей, уже не существовало как минимум столетие, и что, как считают эти исследователи, уже являлось полууставом. Вряд ли стоит плодить подобные парадоксы, запутывая самих себя и других.

Кстати, не оставляет впечатление, что время появления названия «устав» позднее. Оно появилось тогда, когда стала формироваться скоропись, отступившая от «устава», то есть от правила, в сторону ускорения письма, и когда понадобилось отличать друг от друга два этих стандарта письма. В силу этого шкала, определявшая границы скорописи, могла быть очень широкой. Отсюда несогласованность мнений исследователей в вопросе, когда скоропись появилась, и что под ней понимать.

Источник за 1540 г. гораздо ценней, чем это может показаться на первый взгляд. Для него «устав» и «скоропись» – классификационные категории письма первого уровня, т. е. это исторические наименования нормативного и системного письма. И если одни современные историки не находят в уставе XVI в. общее с уставом XI–XIV вв., точнее, вообще не находят устава в XV–XVI в., другие же обнаруживают в уставе XIII–XIV вв. «стилистические сдвиги» (Е. А. Ляховицкий), то это значит, что исторический устав, несмотря на свой регламентированный характер, все же изменялся незаметно для пользователей, вырабатывая новые, при этом широко распространенные, варианты. Но эти изменения вовсе не рассматривались современниками как рождение нового типа письма.

Мы должны спросить себя, понимали ли писцы XVI в., что они пользовались не уставом, а полууставом? Кто лучше знал и знает, каким письмом они пользовались: сами писцы или современные ученые? Кто прав? Правы обе стороны: те, кто был носителем традиции и не замечал, как исподволь она изменялась, и те, кто имеет возможность систематизировать памятники письма и увидеть эти изменения.

Я считаю, что две эти позиции – историческую и позицию современных исследователей – можно и нужно примирить. Исторические наименования типов письма: «устав», «полуустав» и «скоропись», могут и даже должны быть сохранены в пределах того времени, в каком они встречаются в исторических источниках применительно к современному им письму. Эти наименования – часть истории письма, в частности, представлений о нем его пользователей и т. д.

В силу вышесказанного, с точки зрения наименований письма, я считаю, что противопоставление «устава» и «полуустава» как раннего (XI–XIV) и более позднего (XV–XVII) книжного письма не обосновано. По крайней мере, до середины XVI в. книги писали письмом, называвшимся «устав». Но для точного измерения и точной характеристики письма, выяснения закономерностей, темпа и этапов его изменений, классификации по типам, видам, вариантам и т. д., нужен не исторический, а современный инструментарий.

Следует, в частности, выяснить, что представлял из себя этот устав с точки зрения не только рисунка букв, но и иных его физических характеристик: темпа движения;

¹³ *Mošin V. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici. S. 155 и др.*

«веса» письма; преимущественной протяженности движений пера и пропорций букв; количеству букв, выполняющихся более, чем в две линейки; угла наклона; связности движений и т. д. Вот тут для суммирования полученных результатов, мы, очевидно, не обойдемся, в частности, без таких обобщенных понятий, категорий и терминологических образований, какие приняты, например, в латинской палеографии (минускулизация и др.). Но в XVII в. появилось понятие «полуустав»¹⁴. И с этим фактом следует считаться.

Мошкова Л. В. На вопрос три ответила бы так: мне не нравится слово «противопоставление». Считаю, что это неподходящий термин для описания эволюции книжной графики. Изменение древнерусского письма считаю вполне объяснимой эволюцией, происходившей на протяжении длительного времени. Факторы «внешнего» влияния, несомненно, были (и они прекрасно известны), но хотелось бы сказать и о «внутренних». Так, переход на использование бумаги не только для создания книг, но и для *обучения письму*, достаточно сильно, с моей точки зрения, повлиял на графику книжного письма первой четверти XVI в.

Автор больше опирается на исследователей XIX века и данные ими определения. Современники фигурируют значительно реже (поскольку «стоят на плечах великих?»), южнославянский материал отсутствует. Мнение автора, что «понятие «полуустав» оказывается одновременно избыточным и недостаточным» представляется сформулированным «красоты ради, а не истины». А апеллирование к сознанию древнерусского книгописца, в котором уживались только два понятия «устав» и «скоропись», вызывает недоумение. Ведь терминологический аппарат исследователей не подгоняется под чье-то «сознание».

С заключительным выводом статьи, пожалуй, можно было бы и согласиться, но кто займется этой труднейшей работой? Создается впечатление, что по умолчанию автор берет этот великий труд на себя. Но уверен ли он в том, что: 1) сможет сломать и повергнуть в прах устоявшуюся схему; 2) предложенное им будет лучше описывать объект; 3) исследователи его поддержат и стройными рядами станут переходить на сторону автора.

Велинова В. Эту схему (*устав – полуустав – скоропись*) мы приняли по традиции и употребляем и в современных исследованиях, хотя много раз затруднялись описать особенности того или иного типа письма одним термином. Каждый раз он требует подробного описания. Сам факт, что в терминологии мы нуждаемся в дополнительных уточнениях или не в состоянии дать объективных критериев для разграничения устава и полуустава, подсказывает, что надо или эту схему переосмыслить, или выработать новую модель, что, кстати, и предлагает нам статья Ляховицкого.

Надо иметь ввиду следующее – несмотря на принятое в науке разграничение между уставом и полууставом по хронологическому принципу (устав: X–XIV вв.; полуустав: с последней четверти XIV в. до XVI или XVII в.; скоропись: с XV до XIX вв.) оно недостаточно точно отражает процессы эволюции в письме. Это видно из определений видов полуустава как «младшего», «старшего», «беглого», «московского» и т. д.

Наверное, этот подход может быть полезным при описании локальных особенностей письма. Но все-таки остается большой, центральный вопрос – как выработать надежные

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 275.

критерии разграничения устава и полуустава с одной стороны; как описывать скоропись, когда она ближе к полууставу с другой стороны; и куда относить каллиграфические элементы, характерные для других письменных систем (например – грецизированный тип письма)? Является ли выходом принять предлагаемое двухчастное разграничение между уставом и скорописью, как это сделано в статье Ляховицкого? Вопрос сложный. В болгарской кириллической традиции также остаются неясными критерии разграничения между уставом и полууставом. Только хронологический критерий здесь недостаточен, надо учитывать функциональную характеристику рукописи, некоторые элементы идеологического контекста и т. д.

4. Какие факторы влияли на изменения древнерусского письма?

Ломаджистро Б. По моему мнению, главной причиной изменения древнерусского письма является постоянное взаимодействие между нормативным и обычным письмом, как я уже указывала при изложении своей теоретической модели. Пишущие в Древней Руси изменяли письмо под влиянием технических причин или эстетических потребностей, возникших в самом же русском обществе. Внешние графические традиции лишь в меньшей степени повлияли на графические изменения. В этом отношении мне кажется неоспоримым влияние греческой традиции. Например, Русь и другие славянские страны кириллической традиции от византийской культуры унаследовали престиж маюскульного письма. Кроме этого, в развитии определенных типов каллиграфических минускулов XVI–XVII вв. наблюдаются грецизирующие тенденции¹⁵. В установлении некоторых начерков нового маюскула (полуустава) важную роль сыграли югославянские модели.

По-моему, развитие письма всегда было обусловлено социально-экономическими, историческими факторами. Однако, связь между ними и письмом следует изучить детально, в конкретных эпохах и обстоятельствах, а не в свете теорий, как например, «золотого века», которые мне кажутся слишком общими и не способными раскрыть суть исторических процессов.

Груша А. И. Ответы на такие вопросы не относятся к числу простых. Эти вопросы к тому же коварны. Они искушают к, казалось бы, ясным, вразумительным и убедительным, но на самом деле непродуманным ответам. Как могли бы мы объяснить, почему произошло формирование скорописи? Этот ответ как будто очевиден, лежит на поверхности. Стали много писать. Раз стали много писать, понадобилось писать быстро, а чтобы это делать, пришлось изменить формы письма. Но задумаемся. Больше ли стали писать в XIV–XV вв. сравнительно с XI–XIII вв., чтобы письменность этих двух столетий по своему объему могла образовать некую критическую массу, преобразовавшую письмо коренным образом? Объем сохранившихся записей, сделанных, в частности, на стенах храмов, бересте, посланиях на пергамене, о существовании которых свидетельствуют многочисленные экземпляры металлических печатей, не дают нам усомниться в том, что в XI–XIII вв. писали хоть явно меньше, чем на рубеже XIV и XV вв., но не настолько, чтобы самым существенным образом изменить принципы письма. Не говорит ли это о том, что происшедший в письме рубежа XIV и

¹⁵ *Сперанский М. Н.* «Греческое» и «лигатурное» письмо в русских рукописях XV–XVI веков // *Byzantinoslavica*. 1932. Т. 4. С. 58–64.

XV вв. перелом был вызван какой-то иной причиной, а изменение форм письма было следствием этой причины, а не самой причиной?

Коварство этих вопросов заключается не только в ложной очевидности ответов, но также в соблазне упростить ответ, свести его к понятиям расплывчатым и неоднозначным, отвлеченным от контекста. Закономерности, связанные с устойчивостью устава, мы вполне можем объяснить традицией. Но достаточно ли это для полноценного ответа? Нет. Традиция не существует сама по себе. Она жива лишь потому, что апеллирует к воспоминаниям, имеющим религиозную, социальную, иную ценность. Но согласимся, что не каждое ценностное воспоминание мотивирует на воспроизведение определенного действия, следование канону.

Закономерности, связанные с устойчивостью устава, мы можем объяснить сакральной, священной сущностью устава. Но в чем выражалась эта сакральность и священность? В переживании живого и глубокого религиозного чувства, обретении писцами при встрече с трансцендентным глубинного состояния сознания с его образами и архетипами, или это было просто некое умственное и эмоциональное напряжение, подобно тому, что испытывает подчиненный, готовящий важный текст высокому начальнику? Но может быть, это было лишь беспристрастное и бесчувственное следование правилу? Что-то иное?

Не легче объяснить то, что является, на первый, поверхностный, взгляд, очевидным: как появился новый, одобренный обществом, стандарт делового письма – скоропись, в которой реализовывался поиск наиболее оптимальных с практической точки зрения форм, позволяющих не только быстро писать, но и быстро читать. По моему мнению, ответ на данный вопрос может быть следующим. Самоценность и самодостаточность этого делового письма утвердились в условиях все расширявшейся области прагматических отношений между индивидами, лишенной религиозной составляющей полностью или в большой степени. Авторитет данного письма был обусловлен институционализацией светской письменности, развитием бюрократического способа управления, ростом профессионализации дела, связанного с подготовкой документов, значением деятельности и *авторитетом* светской власти, его административного аппарата.

Бесспорно, формирование скорописи стимулировалось знакомством писцов с латинским курсивом (в результате активных дипломатических контактов, в зоне пересечения разных культур, в мультикультурной среде), рецепцией его как образца, приемлемого для подражания¹⁶. Но не это было главным. Фактором возникновения скорописи являлось понимание того, что вековую, авторитетную, осязаемую и созерцаемую традицию письма можно было подчинить, целенаправленно изменить, внести в письмо радикаль-

¹⁶ Среди последних работ, в которых рассматривается вопрос о влиянии латинского курсива на формирование кириллической скорописи: *Žagar M., Paskojević K. Ćiriliske isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva // Filologija. Zagreb. 2014. № 62. S. 225–226, и др.; Paskojević K. Razvojni procesi diplomatske ćiriliske minuskule u dokumentima srednjovjekovne Dubrovačke kancelarije. Doktorski rad. Zagreb, 2018 (не опубликованная диссертация). Режим доступа: https://www.academia.edu/38913710/Razvojni_procesi_diplomatske_ćiriliske_minuskule_u_dokumentima_srednjovjekovne_dubrovačke_kancelarije Processes_of_Development_of_Diplomatical_Cyrillic_Minuscule_in_the_Documents_of_the_Medieval_Dubrovnik_Chancery_ (последнее посещение – 1 мая 2019 г.). S. 17–20, и др.*

ные новации, и сделать это в рациональных целях. Прежде, чем скоропись появилась на пергамене и бумаге, она возникла в сознании писца. А вот какие культурные связи и какой мир идей обусловили этот переломом в его сознании, еще предстоит выяснить.

Очень похоже, что в индивидуальном и личностном планах зачинателями скорописи были те писцы, которые не испытывали благоговейный трепет перед священным письмом, сознательно пренебрегали им, готовы были легко положить его величие и красоту в жертву быстроте и удобству. Большинство из них явно относилось к мирянам. Письмо диалогично. Поэтому первыми читателями текстов, написанных скорописью, были люди, которые не брезговали читать «неправильное» и «простое» письмо, и даже находили его предпочтительным. Кстати, мы знаем имя писца-новатора, который один из первых в пределах Центральной и Восточной Европы стал писать кириллической скорописью – писарь канцелярии польского короля и верховного князя литовского Владислава Ягайлы – Малохей, деятельность которого, если судить по его почерку прослеживается с 1393 по 1404 г.¹⁷ Было бы важно и интересно выяснить, не было ли у него деловых и личных контактов с писцами Дубровника и сербских правителей, которые уже до этого пользовались скорописью.

Мошкова Л. В. «Золотой век» и «порча письма» - это снова оценочные термины, они несут в большей степени публицистическую нагрузку, хотя против их применения не возражаю (правда, всегда надо помнить о степени репрезентативности дошедшего до нас материала).

Велинова В. Эволюция письма – сложный процесс, и он не может рассматриваться только как технологическое изменение. Письмо – это манифестация определенных общественных идей. Изменения его элементов всегда обусловлены некоторыми общественными процессами. И их надо проанализировать и объяснить. Это дает важные результаты для палеографии, как показывают, например, работы Г. Кавалло, посвященные ранним маюскульным греческим рукописям. В истории письма изменения графических знаков и их начертаний являются указаниями на более глобальные изменения.

Для древнерусского письма можно сказать, что изменения обусловлены как влиянием других культур, так и особенностями развития русской письменной культуры, где формируются большие книжные центры, представители которых были носителями индивидуальной манеры письма – например, московский полуустав, поморский полуустав и т.д.

«Золотой век» – это прекрасное совпадение духовного и политического подъема, когда письменной культуре уделяется большое внимание. С помощью рукописи легитимизируется институция верховного правителя. Например, в период подъема Византии при императоре Юстиниане (527–565) роскошные рукописи были написаны золотыми или серебряными чернилами с библейским унциалом на пергаменте пурпурного цвета. Рукописи: Россанское Евангелие, Синопское Евангелие, венская рукопись Книги Бытия и другие были богато иллюстрированы. Практика создания так называемых пурпурных кодексов продолжается в Византии до конца IX в., и закат ее хронологически совпадает с концом иконоборческой эпохи, хотя мы находим отдельные примеры в следующих столетиях, буквально до начала XIX века. Вспомним также рукописи так называемого «Золотого века» болгарского царя Симеона, которые не сохранились в оригинальном виде, но нам известны их копии. Но и в дворцах западноевропейских правителей появ-

¹⁷ Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского. С. 225–227.

ление таких кодексов является политическим актом. Серебряный кодекс, содержащий готский перевод Евангелия, ссылаясь на времена императора Теодориха (493–526), хотя и не иллюстрирован, поражает тонкостью исполнения и изысканным маюскульным письмом. Беда Достопочтенный сообщает о пурпурном Евангелии, написанном золотом при англосаксонском дворе в VIII веке.

«Золотой век» является одновременно метафорическим и символическим термином. Вне сомнения, что книжная продукция высшего сорта невозможна без участия аристократии, поскольку трехчастная (или по крайней мере двухчастная, когда заказчик заказывает рукопись для себя) схема *заказчик – исполнитель – адресат* гарантирует материальное обеспечение рукописной продукции. В этой схеме рукопись не создавалась без заказа. В поздние эпохи этой схемы уже не стало – увеличение числа грамотных людей привело к объединению в одно лицо заказчика, исполнителя и адресата, но уровень продукта снизился.

«Порча письма» – это иногда субъективная оценка письменных навыков. Мы до сих пор не смогли на 100 % восстановить процесс создания книги в средневековых скрипториях. Можно ли принять, что полуустав является «порчей» устава? Или его появление отражает увеличение книжной продукции? При изучении изменений в стиле письма мы должны всегда учитывать функциональную детерминированность рукописей. Одни предназначались для богослужения, другие – для ежедневного употребления. На снижение качества письма повлияли и печатные книги, и сам процесс секуляризации книжности в XVIII–XIX веках. К тому же критерий «степени испорченности» иногда зависит от субъективных взглядов самого исследователя.

5. Как соотносится развитие кириллического письма в Древней Руси и югославянских странах? Эволюция письма шла одинаковыми или разными путями?

Ломаджистро Б. Хотя Древней Русью кириллическое письмо было получено от югославянских стран, и новый маюскул тоже дошел до Руси с тех же земель, графический обмен между этими регионами был обоюдным, что отразилось на развитии письма. Следует подробнее изучить конкретные пути этого взаимодействия, которые не всегда прямо соединяли Русь с югославянскими странами. Взаимодействие осуществлялось скорее всего с помощью монастырей, в которых встречались паломники-монахи из разных славянских стран. Именно разнообразие типов нового маюскула, сформированных на Руси и дошедших до югославянских стран или афонских монастырей, является важным свидетельством вышеуказанного взаимовлияния.

Велинова В. Факторы влияния были разными. Рассмотрим болгарскую традицию. Она на протяжении всего Средневековья развивалась в теснейшем контакте с греческой минускульной традицией. И несмотря на доминирование устава, кириллическая азбука при необходимости или при возможности заимствовала разные элементы из греческой письменной среды. Так, например, в XIV в. был стилизован терновский литургический устав, где можно отметить влияние некоторых греческих типов письма, например – иллюминированного списка Хроники Манассии (1344–1345), Евангелия Георгия Тертера (1322).

В том же XIV в. стилизовали и так называемое «попгерасимовое письмо», которое является славянской версией греческого александрийского минускула. Оно несет имя

известного средневекового писца – попа Герасима. Им написан сборник попа Филиппа (1344), Служебник Евфимия и другие рукописи из столицы Второго Болгарского царства – Тырново. Эта грецизация письма связана с движением исихастов.

В Национальном историческом музее Болгарии хранится Апостол 1370–1380 гг., где заглавия к чтениям написаны грецизирующим курсивом, иногда – греческими буквами, а примечания писца на полях – даже на греческом языке. При этом сама рукопись уставная. Хорошо известно, что в Псалтири Томича (болгарская рукопись XIV в. тырновского происхождения) сохранились примечания-указания для создания миниатюр на греческом языке. Такое влияние греческой письменной традиции возможно только благодаря долгому совместному сосуществованию кириллического алфавита вместе с греческим, их взаимодействие в центрах книжного общения – афонских монастырях и некоторых исихастских центрах XIV столетия.

Возможно и другое объяснение. Мне известны два примера – рукописи написаны письмом, которое является характерным для рукописных книг из Тырново XIV века, написанных на сербском языке. Это манускрипт из собрания Библиотеки в Плевене и Апостол из Хилендарского монастыря (об этой рукописи сообщил мне А. А. Турилов). Такое сочетание возможно, если рукописи создавались странствующими группами мастеров – каллиграфов и художников, которые имели свой стиль и повторяли язык своих антиграфов. Но пока это только гипотеза, нуждающаяся в уточнениях и доказательствах с помощью дополнительных примеров.

В заключение можно сказать, что эволюция письма в русском и болгарском книжном контексте шла одинаковым путем – но под воздействием разных факторов, и в итоге получились разные результаты.

Е. А. Ляховицкий. Начать мой краткий вклад в состоявшуюся дискуссию следует со слов благодарности в адрес коллег, согласившихся принять в ней участие, и в особенности, в адрес редакции “*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*”, взявшей на себя ее организацию. Для меня весьма отраднo, что большинство участников диспута разделяет мнение о необходимости глубокого пересмотра понятийно-терминологического аппарата славяно-русской палеографии и представлений об исторической типологии русского письма. Ниже я хотел бы прояснить некоторые моменты, которые, как показала дискуссия, не были достаточно четко акцентированы в тексте.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что статья не преследовала целей предложить историческую типологию кириллического письма, упорядочить понятийно-терминологический аппарат славяно-русской палеографии, не было и задачи библиографической полноты. Предметом исследования являлись взгляды, сложившиеся в сегодняшней славяно-русской палеографии на историческую типологию письма и их истоки. Необходимость обобщенно описать эти взгляды, естественно, потребовала и цитирования, и воспроизведения тех характеристик, которые использовались, и продолжают использоваться для определения типов письма: «торжественное», «небрежное», «медленное» и пр. В тех, очень немногочисленных случаях, когда речь в статье шла не о воззрениях исследователей, а о реалиях древнерусского письма, подобная терминология не использовалась, поскольку я полностью солидарен с прозвучавшей в дискуссии критикой этих размытых, нечетких категорий.

Говоря о том, что понятие «полуустав», с одной стороны, избыточно, с другой – недостаточно, я имел в виду в первую очередь логическую противоречивость этого

понятия, поскольку им объединяются явления, описываемые различающимися или даже противоположными характеристиками, и разделяются явления описываемые схожими или тождественными характеристиками. При этом, критерий объединения и разъединения отсутствует или носит внешний по отношению к письменной графике характер (орфография, время и место написания и пр.).

Когда рассматривались начертания отдельных букв, то это делалось только потому, что набор начертаний выступает одним из основных критериев для разделения типов письма в палеографической литературе. В статье была предпринята попытка показать, что этот критерий не дает надежных оснований для типологических выводов. Таким образом, здесь у меня нет никаких расхождений с А. И. Грушей.

Что касается значения А. Х. Востокова в процессе становления современных представлений об исторической типологии древнерусского письма, нужно заметить, что выход в свет знаменитого «Описания Румянцевского Музеума» справедливо считается одним из центральных событий науки о кириллической письменности, значение которого выходило далеко за рамки археографии. О том, насколько авторитетным источником знаний по славяно-русской палеографии оно было для современников, в достаточной мере свидетельствует появление «Материалов для славянской палеографии из «Описания Румянцевского музея»» А. Н. Пыпина¹⁸. Воспроизведение (с некоторыми хронологическими подвижками) схемы Е. Болховитинова в столь авторитетном издании, несомненно, закрепляло его в качестве общепризнанного. Без сомнения, каждое из последующих после А. Х. Востокова повторений идеи трех сменяющих друг друга типов письма укрепляло ее господствующее положение. Вместе с тем, фактически единственным глубоким и общепринятым видоизменением этой схемы, стало разделение «полуустава» на «старший» и «младший», осуществленное А. И. Соболевским.

Что касается упомянутой А. И. Грушей дискуссии между В. А. Мошиным и Г. Чремошником, то ее обсуждение заставило бы рассматривать вопрос о возможности универсальных категорий в палеографии, соответствия типов греческого и кириллического письма, что выходило далеко за рамки поставленных нами в статье задач.

Информация о статье

Авторы: Велинова, Вася – доктор филологии, директор центра Славяно-византийских исследований имени проф. Ивана Дуйчева, Университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария, vvelinova@dujcev.uni-sofia.bg, OrcID 0000-0002-4606-1090;

Груша, Александр Иванович – доктор исторических наук, директор, Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь, pirus@tut.by, OrcID 0000-0003-2327-3960, SPIN-код 2817-4719;

Ломаджистро, Барбара – доктор филологии, Университет Бари, Бари, Италия, barbara.lomagistro@uniba.it, OrcID 0000-0002-1250-5634, Scopus ID 55332289400;

Ляховицкий, Евгений Александрович – канд. ист. наук, заведующий лабораторией Отдела рукописей, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия stoglav@bk.ru, stoglav@bk.ru, OrcID 0000-0003-2546-6125, Researcher ID F-1416-2016, SPIN-код 3165-3180;

Мошкова, Людмила Владимировна – ведущий специалист, Российский государственный архив древних актов, Москва, Россия, lvmoshkova@gmail.com, OrcID 0000-0002-5848-6352, Scopus ID 36962085500;

Уо, Даниэль – доктор философии, Университет Вашингтон, Сиэтл, Соединенные Штаты Америки, dwaugh@uw.edu, Scopus ID 38162475300

¹⁸ Пытин А. Н. Материалы для славянской палеографии из «Описания Румянцевского музея» // Ученые записки второго отделения Академии наук. Кн. 2. Вып. 2. С. 1–128.

Заголовок: Спор о древнерусском письме (форум)

Резюме: В статье обсуждается гипотеза петербургского историка Евгения Ляховицкого, поставившего под сомнение традиционную схему развития древнерусского письма (устав – полуустав – скоропись). Автор считает полуустав искусственным конструктом, придуманным учеными. Участники дискуссии обсудили пять вопросов: 1. Что следует вкладывать в понятие «тип письма»? 2) Насколько схема устав – полуустав – скоропись адекватно отражает эволюцию древнерусского письма? 3. Правомочно ли противопоставление устава и полуустава, как раннего (XI–XIV) и более позднего (XV–XVII) книжного письма? 4. Какие факторы влияли на изменения древнерусского письма? 5. Как соотносится развитие кириллического письма в Древней Руси и югославянских странах? Эволюция письма шла одинаковыми или разными путями? Участники обсуждения приводят разные гипотезы, в которых можно выделить общие принципиальные положения: традиционная схема развития древнерусского письма (устав – полуустав – скоропись) является условной, созданной учеными. Однако для отказа от нее необходимо подвести новые эмпирические и теоретические обоснования. Определение особенностей типов письма, понятие «порчи письма» часто являются субъективными. Вместе с тем, изучение типов письма не является чисто палеографической проблемой. Письмо – это индикатор культурных, социальных, экономических процессов. Привлекать при его анализе такие оценочные категории, как «Золотой век», ставить развитие письма в зависимость от представлений о культурном прогрессе вряд ли продуктивно. Эволюция письма в русском и югославянском книжном контексте шла одинаковым путем, но под воздействием разных факторов, и в итоге получились разные результаты.

Ключевые слова: палеография, маюскул, минускул, устав, полуустав, тип письма, кириллическая графика.

Литература, использованная в статье:

Груша, Александр Иванович. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск: Беларуская навука, 2015. 465 с.

Груша, Аляксандр Іванавіч. Беларуская кірылічная палеаграфія: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта. Мінск: БДУ, 2006. 142 с.

Груша, Аляксандр Іванавіч. Рэлігія – мова – пісьмо: пра сутнасць устава і паўустава XI – першай паловы XVI ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 9. С. 23–33.

Мошкова, Людмила Владимировна. «Белые пятна» русской палеографии // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы Международной научной конференции в честь 75-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2013 г. Москва: ИВИ РАН, 2013. С. 236–237.

Мошкова, Людмила Владимировна. Грамоты XV – первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) // Вестник Альянс–Архео. 2016. Вып. 17. СПб., 2016. С. 40–89.

Темчин, Сергей Юрьевич. Функционирование русской мовы и иерархия церковных текстов // Studia Russica. Budapest. 2009. Vol. 23. P. 226–234.

Успенский, Борис Андреевич. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Москва: Аспект-Пресс, 2002. 558 с.

Bande, Cveta; Klekovska, Mimoza; Nedelkovski, Igor; Kaevski, Dragan. Feature selection for classification of old slavic letters // Control Engineering and Applied Informatics. 2014. Vol. 16. Issue 4. P. 81–90.

Canart, Paul. Paleografia e codicologia greca: una rassegna bibliografica. Vatican: Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica, 1991. 131 p.

Klekovska, Mimoza; Martinovska, Cveta; Nedelkovski, Igor; Kaevski, Dragan. Comparison of models for recognition of old slavic letters // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2013. Vol. 207. P. 129–139;

Lomagistro, Barbara. Approccio scientifico e questioni di metodo nello studio delle scritture cirilliche // Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti (Belgrado, 20–27 agosto 2018). Firenze: Firenze University Press, 2018. P. 225–248.

Mošin, Vladimir. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici // Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. 1965. № 15–16. S. 150–182.

Panov, Stojanche; Koceski, Sašo. Metaheuristic approach to optical character recognition of old slavic letters // Proceedings – 2014 3rd Mediterranean Conference on Embedded Computing. Budva; Montenegro, 2014. P. 268–271.

Žagar, Mateo; Paskojević, Kristian. Ćirilčke isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva // Filologija. 2014. Nr. 62. S. 221–247.

Information about the article

Authors: Velinova, Vasya – Doctor of Philology, director of the Center for Slavic-Byzantine Studies named after prof. Ivan Dyuichev, St. Clement Ohridsky University, Sofia, Bulgaria, vvelinova@dujcev.uni-sofia.bg, OrcID 0000-0002-4606-1090;

Grusha, Alexander Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Director, Yakub Kolas Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus, pirus@tut.by, OrcID 0000-0003-2327-3960, SPIN-cod 2817-4719;

Lomagistro, Barbara – Doctor of Philology, University of Bari (Università degli Studi di Bari Aldo Moro), Bari, Italy, barbara.lomagistro@uniba.it, OrcID 0000-0002-1250-5634, Scopus ID 55332289400;

Lyakhovitsky, Evgeny Alexandrovich – Candidate of History, Head of the Laboratory of the Manuscript Department of the Russian National Library Sciences, St. Petersburg, Russia, stoglav@bk.ru, OrcID 0000-0003-2546-6125, ResearcherID F-1416-2016, SPIN-cod 3165-3180

Moshkova, Lyudmila Vladimirovna – Leading Specialist, Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow, Russia, lvmoshkova@gmail.com, OrcID 0000-0002-5848-6352, Scopus ID 36962085500;

Waugh, Daniel – Ph.D., Professor, University of Washington, Seattle, United States of America, dwaugh@uw.edu, Scopus ID 38162475300

Title: The dispute about the Old Russian writing (forum)

Abstract: The article discusses the hypothesis of the St. Petersburg historian Yevgeny Lyakhovitsky, who questioned the traditional pattern of development of Old Russian writing (ustav – poluustav – skoropis’). He considers the poluustav artificial construct invented by scientists. The discussion participants talk about five questions: 1. What should be put into the concept of “type of letter”? 2) To what extent does the scheme: ustav – poluustav – skoropis’ adequately reflect the evolution of Old Russian writing? 3. Is the polarization of the ustav and poluustav valid as the early (XI–XIV) and later (XV–XVII) book letters? 4. What factors influenced the changes in Old Russian writing? Was it the influence of other cultures, changes in the old Russian book culture or something else? Is it possible to make direct connections between the evolution of letters and historical factors (the theory of the «Golden Age» and «damage to the letter» in crisis times?) 5. How does the development of Cyrillic writing correlate in Ancient Russia and the Yugoslav countries? Did the evolution of writing go the same or in different ways? The participants in the discussion cite various hypotheses in which general principles can be singled out: the traditional scheme for the development of Old Russian writing (ustav – poluustav – skoropis’) is a conditional construction, created by scholars. However, to abandon it is necessary to bring new empirical and theoretical studies. Determining the characteristics of the writing types, the concept of «damage to the letter» are often subjective. At the same time, the study of writing types is not a purely paleographic problem. A letter is an indicator of cultural, social, economic processes. When analyzing such evaluative categories as the “Golden Age”, it is hardly productive to involve the development of a letter in dependence on the ideas of cultural progress. The evolution of writing in the Russian and South Slavic book context proceeded in the same way, but under the influence of various factors, and in the end there were different results.

Keywords: paleography, mauskul, minuscule, ustav, poluustav, type of letter, Cyrillic graphics

References:

Grusha, Aleksandr Ivanovich. *Dokumental'naya pis'mennost' Velikogo Kniazhestva Litovskogo (konets XIV – pervaya tret' XVI v.)* [Documentary writing of the Grand Duchy of Lithuania (end of the 14th – first third of the 16th century)]. Minsk: Belaruskaya navuka Publ., 2015. 465 p. (in Russian).

Grusha, Aleksandr Ivanovich. *Belaruskaya kirylichnaya paleografiya: Vuchebnyy dapamozhnik dlya studentaŭ gistarychnaga fakul'teta* [Belarus Cyrillic paleography: manual for students of historical faculty]. Minsk: BDU Publ., 2006. 142 p. (in Belarussian).

Grusha, Aleksandr Ivanovich. *Religiia – mova – pis'mo: pra sutnasts' ustava i paŭustava XI – pershai palovy XVI st.* [Religion – the language – the writing: the essence of the ustav and poluustav the 11th – the first half of the 16th century], in *Belaruskii gistarychny chasopis*. 2007. Nr. 9. Pp. 23–33. (in Belarussian).

Moshkova, Liudmila Vladimirovna. «Belye piatna» russkoi paleografii [“White spots” of Russian paleography], in *Paleografiia, kodikologiia, diplomatika. Sovremennyyi opyt issledovaniia grecheskikh, latinskikh i slavianskikh rukopisei i dokumentov*. Moscow: IVI RAN Press, 2013. Pp. 236–237. (in Russian).

Moshkova, Liudmila Vladimirovna. *Gramoty XV – pervoi treti XVI v. iz f. 281 RGADA: paleograficheskie zametki (Statya pervaya)* [Charters of the 15th – the first third of the 16th century from f. 281 RGADA: paleographic notes (The First Paper)], in *Vestnik Al'ians–Arkheo*. 2016. Vol. 17. Pp. 40–89. (in Russian).

Temchin, Sergei Uryevich. Funktsionirovaniye rus'koi movy i ierarkhiya tserkovnykh tekstov [The functioning of the Ruthenian language and the hierarchy of church texts], in *Studia Russica*. 2009. Vol. 23. Pp. 226–234. (in Russian).

Uspenskii, Boris Andreevich. *Istoriya russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)* [History of Russian literary language (XI–XVII centuries)]. Moscow: Aspekt-Press, 2002. 558 p. (in Russian).

Bande, Cveta; Klekovska, Mimoza; Nedelkovski, Igor; Kaevski, Dragan. Feature selection for classification of old slavic letters, in *Control Engineering and Applied Informatics*. 2014. Vol. 16. Issue 4. Pp. 81–90.

Canart, Paul. *Paleografia e codicologia greca: una rassegna bibliografica* [Greek paleography and codicology: a bibliographic review]. Vatican: Scuola Vaticana di Paleografia, Diplomatica e Archivistica Publ., 1991. 131 p. (in Italian).

Klekovska, Mimoza; Martinovska, Cveta; Nedelkovski, Igor; Kaevski, Dragan. Comparison of models for recognition of old slavic letters, in *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2013. Vol. 207. Pp. 129–139.

Lomagistro, Barbara. Approccio scientifico e questioni di metodo nello studio delle scritture cirilliche [Scientific approach and methodological questions in the study of Cyrillic scripts], in *Contributi italiani al XVI Congresso Internazionale degli Slavisti* (Belgrado, 20–27 agosto 2018). Firenze: Firenze University Press, 2018. Pp. 225–248. (in Italian).

Mošin, Vladimir. Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici [Methodological notes on the types of letters in Cyrillic], in *Slovo: časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*. 1965. Nr. 15–16. Pp. 150–182. (in Croatian).

Panov, Stojanche; Koceski, Sašo. Metaheuristic approach to optical character recognition of old slavic letters, in *Proceedings–2014. 3rd Mediterranean Conference on Embedded Computing*. Budva; Montenegro Publ., 2014. Pp. 268–271.

Žagar, Mateo; Paskojević, Kristian. Ćirilичke isprave Dubrovačke kancelarije XV. stoljeća između minuskule i kurziva [Cyrillic documents of the Dubrovnik Office in 15th century between minuscul and cursive], in *Filologija*. 2014. Nr. 62. Pp. 221–247.